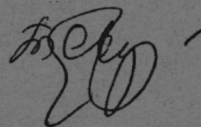

0.772710

На правах рукописи

Кузнецова Татьяна Сергеевна

**ЗАГАДКИ ЭКСЕТЕРСКОГО КОДЕКСА В ФОЛЬКЛОРНО-
ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Специальность 10.01.09 - фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск - 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» на кафедре фольклора и древней литературы

Научный руководитель:

Блажес Валентин Владимирович,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Федорова Валентина Павловна,
доктор филологических наук, профессор
ГОУ ВПО «Курганский государственный университет»

Родионов Михаил Сергеевич,
кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Защита состоится «6» октября 2008 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.296.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» по адресу: 454021, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Челябинского государственного университета по адресу: ул. Братьев Кашириных, 129.

Автореферат разослан «4» сентября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Вас

Г.С. Вардугина

В реферируемой диссертации освещаются английские загадки 10 в., представленные в Эксетерском кодексе, в их органической связи с загадками более ранних средневековых сборников загадок. Исследование проводилось с учетом особенностей фольклорно-литературного контекста Средневековья.

Несмотря на неугасающий интерес ученых, в особенности зарубежных, к загадкам Эксетерского кодекса и на попытки решить ряд связанных с ними вопросов, многие из них до настоящего времени остаются неразрешенными. Основные труды, посвященные комплексному анализу эксетерских загадок, датируются концом 19-го – началом 20 вв. (Thorpe, 1842; Tupper, 1910; Krapp and Dobbie, 1936), современные труды же в большинстве своем носят частный характер и связаны с поиском отгадок для конкретных загадок. Только тринадцать загадок кодекса было введено в научный оборот на русском языке в поэтическом переводе В.Г. Тихомирова, а сборник в целом не получил до сих пор всестороннего освещения в отечественной литературе.

Актуальность работы заключается, таким образом, в устранении непроработанности нескольких важных вопросов по загадкам Эксетерского кодекса, связанных с трактовкой текста, нахождением отгадок, а также функциями загадок в контексте изучаемого периода.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней исследуются все загадки Эксетерского кодекса с точки зрения их художественного своеобразия и включенности их в фольклорно-литературную традицию Средневековья. Также в полном объеме вводятся в научный оборот переводы на русский язык загадок Эксетерского кодекса.

Цель реферируемой работы продиктована, прежде всего, отсутствием полной характеристики сборника древнеанглийских загадок в отечественной научной литературе и заключается в описании поэтики средневековых загадок, и, в частности, загадок Эксетерского кодекса в его сопряженности с фольклорно-литературным контекстом Средневековья.

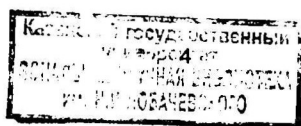
Для достижения данной цели необходимо выполнение следующих задач:

1. Сделать подстрочный перевод загадок Эксетерского кодекса с древнеанглийского языка на современный русский, что необходимо для анализа и понимания читателем их содержания.
2. Рассмотреть средневековые сборники загадок на латинском языке и загадок Эксетерского кодекса как тексты, представляющие в основных параметрах картину мира, созданного Богом.
3. Провести анализ полифункциональности и поэтики загадок Эксетерского кодекса и их органической связи с фольклорно-литературной традицией Средневековья.

Объектом данного исследования являются средневековые загадки, а предметом – загадки Эксетерского кодекса.

Теоретическая значимость работы заключается, во-первых, в том, что в ней представлен перевод на русский язык всех загадок Эксетерского кодекса, а также примеры и переводы латинских загадок, некоторые из которых являются источниками загадок древнеанглийских. Это позволило аналитически продемонстрировать, с одной стороны, связь древнеанглийских загадок со средневековым фольклорно-литературным контекстом (от переводов до общности образных мотивов, типов композиций и т.д.), а, с другой стороны, укорененность древнеанглийских загадок в фольклорной традиции англосаксов, в их поверьях и знаниях естественной истории.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов диссертации и результатов научных наблюдений при дальнейшем анализе загадок Эксетерского кодекса как важного памятника древнеанглийской поэзии, при осуществлении полного поэтического перевода и издания загадок Эксетерского кодекса на русском языке, а также в практике вузовского преподавания истории английского

языка (древнеанглийский период), истории английской литературы, фольклора и культуры.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения диссертации и результаты исследования были представлены в виде докладов и сообщений на семинаре «Британская литература и проблемы ее преподавания» (Екатеринбург, 2005), на конференции «Социокультурные проблемы перевода» (Воронеж, 2006), на конференции «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2006), на теоретических семинарах кафедры фольклора и древней литературы УрГУ (Екатеринбург, 2005, 2007).

Источником исследования явились сборники загадок на латинском языке, функционировавшие в Средние века, а также загадки Эксетерского кодекса. Здесь необходимы следующие пояснения.

Использовались публикации латинских загадок средневековых авторов в книгах «История римской литературы», 1962, «Поздняя античная поэзия и проза», 1964, «Средневековая латинская литература IV-IX вв.» 1970, а также привлекались электронные ресурсы: *Aenigmata Symphosii* (Загадки Симфония на латыни), *Aenigmata Aldhelmi* (Загадки Альдхельма на латыни).

Теоретическую базу исследования составили труды К. Кроссли-Холланда, Дж. Невилл, М. Нельсон, М. Сальвадор, Ф. Таппера, Э. фон Эрхардт-Зибольд, а также Е.А. Гуревича, М.И. Стеблин-Каменского.

Сравнительно-исторический метод исследования постоянно сопрягался в диссертации с типологическим и историко-функциональным.

Структуру диссертации – введение, две главы, заключение и приложение с переводом загадок – определили названные выше задачи исследования. Общий объем работы 225 страниц, из которых 174 страницы составляет основной текст.

Положения, выносимые на защиту:

1. Средневековая загадка имеет перифрастический характер, который шире свойственной загадкам метафоричности. Главный принцип функционирования загадки заключается в попытке воспроизвести предмет во всем многообразии его сторон. Провоцирующая вариативность отгадок, проистекающая из этого принципа, – сущностное свойство древнеанглийской загадки.

2. Полифункциональность загадки, заключающаяся в возможности использования ее в процессе обучения с целью развлечения, назидания, делает загадку не только формой предметно-поэтического, но и философско-теологического осмысления мира.

3. Средневековые сборники загадок призваны воспроизвести картину мира, созданного Богом; они стремятся охватить основные его константы, погружая отгадчика в предметное многообразие мира через метафорическую образность.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении к исследованию, помимо цели и задач, дается также определение жанра загадки, некоторые положения о ее структуре, происхождении и функциях. Сначала приводится этимология слова «загадка» в германских и славянских языках, а также в иврите, причем выявляется сходство первоначального древнейшего смысла, вкладываемого в слово «загадка» в германских и славянских языках.

Далее во введении представлены некоторые определения загадки у различных философов (от Аристотеля до Гегеля), которые демонстрируют, что загадка на разных этапах либо противопоставлялась, либо сравнивалась (гораздо чаще) с метафорой. Даются также некоторые положения о ее происхождении, структуре (о ее двухчастной форме, о противостоянии загадчика и отгадчика) и функциях.

Первая глава «Бытование сборников загадок на латинском языке в период раннего Средневековья» воспроизводит фольклорно-литературный контекст бытования загадки от античности и библейской традиции до раннего Средневековья.

В первом параграфе «Загадка в антично-библейской традиции» дается обзор жанра загадки в Древней Греции и Риме, а также в Библии, что является необходимым для последующего воссоздания контекста бытования загадки в Средневековье.

Основное внимание в главе уделено сборникам загадок на латинском языке, которые являются предпосылкой рождения литературной традиции загадывания в Англии.

Жанр загадки процветал в конце 7 – начале 8 вв. В этот период сочинение *aenigmata* (загадок, головоломок), было особенно популярно в Европе, в частности, в Англии, где многие авторы писали в этом жанре: Альдхельм, Татвин, Эвсебий, Винфрид-Бонифаций, и, вероятно, один псевдо-Беда. Средневековые сборники загадок издавались под влиянием загадок Симфозия (Симфосия), автора поздней эллинистической эпохи, который творил предположительно около 6 в. н.э. Жанр актуализировался в конце 10 в. в собрании древнеанглийских загадок Эксетерского кодекса. Этот сборник, возможно, был адаптацией жанра к народному, английскому языку, поскольку нравоучительный потенциал загадки высоко оценивался реформаторами-бенедиктинцами, которые восхищались произведениями Альдхельма и его последователей.

Второй параграф «Сборник загадок Симфозия» посвящен важнейшему сборнику ста загадок Симфозия, чья личность скрывается за псевдонимом. Загадки сборника носят развлекательный характер и являются наиболее ранним собранием средневековых *aenigmata*, которое дошло до нас целиком.

Именно в произведениях Симфозия загадки появляются впервые

в той поэтической форме, которой подражали его последователи в Древней Англии и которая до некоторой степени обусловила расцвет этого жанра, чьей вершиной являются загадки Эксетерского кодекса. Симфозий признавался «отцом загадки нашей эпохи» Ф. Таппером, поскольку он закрепил особую художественную форму загадки.

Загадки Симфозия композиционно единообразны: всем им предпосланы отгадки, и все они состоят из трех гекзаметров. Большинство загадок объединено в тематические блоки, которые следуют принципам построения энциклопедических трудов, подобных *Etymologiae* Исихора Севильского. Например, загадки 7-11 организуют такую последовательность: дым, облако, дождь, лед и снег. Расположение в тематических блоках свидетельствует о попытке систематизации, основывающейся на сопоставлении сходных тем рукописи.

Загадки Симфозия (*aenigmata*) стали образцом, которому следовали сочинители загадок в Средневековье, их влияние хорошо прослеживается в загадках Альдхельма, Татвина, Эвсебия (которым посвящается четвертый параграф главы). Популярность сборника также доказывает то, что пять загадок Симфозия (1, 7, 4, 11 и 10) дословно воспроизводятся в так называемой *Collectanea Bedae* или *Flores* псевдо-Беды, сборнике вопросов-загадок на разные темы, связываемом Таппером с диалогами, подобными *Joca Monachorum*. Пересказы семи его загадок находим в педагогическом труде Алкуина «Спор между царственным и благородным юношей Пипином и учителем Альбином». Десять загадок Симфозия введены в необычайно популярный во времена Средневековья роман неизвестного автора «История Аполлония Тирского» как в его латинскую версию, так и в переводы на народные европейские языки. И, по крайней мере, три из этих загадок перешли с историей Аполлония в «Римские деяния».

В третьем параграфе «Загадки на латинском языке в Древней Англии» показано, как модели сборника Симфозия следовали создатели загадок

на латинском языке. Таковыми являются сборники загадок Альдхельма (?639-709), аббата Малмсбери и позже епископа Шерборнского; Татвина (†734), младшего современника Альдхельма, архиепископа Кентерберийского, автора трактата по грамматике *Ars Tatwini* и сборника сорока загадок; Эвсебия (8 в.), написавшего шестьдесят загадок, и других. Их загадки в большей или меньшей степени являются подражанием загадкам Симфония (на уровне композиции, тематики, основных мотивов) и в некоторой степени обуславливают форму загадок Эксетерского кодекса.

Делается вывод о том, что все рассмотренные сборники созданы церковными деятелями и преследуют дидактические, поучительные, наставительные цели, у них явная педагогическая предназначенность. Все сборники составлены так, чтобы наставник с помощью загадок мог погрузить слушателя (ученика) в мир, созданный одним Творцом, и показать многообразие и гармоничность земной жизни.

Анализ сборников дает основание считать, что в раннем Средневековье загадки выполняли функции методического средства, педагогического приема, позволявшего мотивированно обратить слушателя к материалу старозаветных книг и Евангелия, а также к сочинениям ученых, поэтов, историков.

Во второй главе «Загадки Эксетерского кодекса в их связи с культурной традицией Средневековья» анализируются загадки Эксетерского кодекса. Первый параграф «Место загадок в Эксетерском кодексе» повествует об Эксетерском кодексе и о загадках как его части. Эксетерский кодекс (*Codex Exoniensis*, Эксетер, Библиотека Собора, MS 3501) – название, традиционно обозначающее одно из главных собраний произведений древнеанглийской литературы, содержащее приблизительно одну шестую часть всего корпуса дошедшей до нас древнеанглийской литературы.

Вероятнее всего Эксетерский кодекс появился в Эксетере (по имени которого и назван сборник) не позднее 1072 года и описывается следующим образом: «*i mycel englisc boc be gehwilcum þingum on leodwisan geworht*» в списке даров, преподнесенных собору незадолго до своей кончины в 1072 году Леофриком, епископом Эксетерским, который перенес свою епархию из Кредитона в Эксетер. Однако кодекс был написан значительно раньше, где-то в период между 950 гг. и 990 гг.

Загадки находятся в последней части манускрипта в трех местах: текст загадок начинается с листа 101a и продолжается до 59 загадки, за которой следует «Плач жены», семь произведений религиозного содержания и вторая группа загадок, а именно, 30-я (иногда обозначаемая как 30b и являющаяся идентичной загадке 30, причем текст в данном месте незначительно поврежден) и 60-я. Далее текст загадок снова прерывается, на этот раз «Посланием мужа» и «Руинами», после которых в самом конце рукописи находятся загадки с 61-й по 95-ю. Несколько последних листов манускрипта существенно повреждены, вероятнее всего, огнем, и это не дает возможности судить о том, чем оканчивается сборник. Тем не менее, по порядку расположения загадок в кодексе можно сделать предположение, что писец не имел всех загадок в своем распоряжении, когда переписывал текст, именно поэтому сначала в кодексе встречается группа из 59 загадок. Позже он получил текст 30-й загадки и переписал ее в кодекс, не замечая повторения или вопреки ему, и за ней поместил загадку 60. И, наконец, отделив их двумя элегиями, переписал последние 35 загадок. В данном параграфе работы также освещаются положения о предполагаемых авторах загадок, о версиях расположения их в кодексе.

Во втором параграфе «Источники загадок Эксетерского кодекса» проводятся параллели между загадками Эксетерского кодекса и загадками на латинском языке авторов, чье творчество описывается в первой главе работы. Здесь делается вывод о том, что примерно половина загадок

Эксетерского кодекса не находят параллелей среди загадок на латинском языке. Еще восемнадцать отдаленно напоминают загадки Симфония и Альдхельма. Сходство иногда обнаруживается в одной фразе или стихе, так что оно зачастую может быть случайным или обусловленным общим предметом загадки. С другой стороны, в шестнадцати загадках развитие одного или более мотивов с точностью указывает на несомненное использование латинских загадок в качестве исходного материала для эксетерских загадок. Семь загадок Эксетерского сборника могут рассматриваться как переводы латинских загадок. Это загадки о кольчуге (Лейденская загадка и загадка Эксетерского кодекса 35), которым у Альдхельма соответствует загадка 6. Две загадки о Творении (загадки Эксетерского кодекса 40, 66) соответствуют Альдхельмовой *De Creatura*, «книжный червь» (загадка Эксетерского кодекса 58) – у Симфония загадка 16. «Тростник» (загадка 60 Эксетерского кодекса) – у Симфония загадка 2. «Вода» (загадка Эксетерского кодекса 84) – загадка 11 Симфония. «Одноглазый продавец чеснока» (загадка Эксетерского кодекса 85) – у Симфония загадка 92. Только в трех из перечисленных случаев загадки Эксетерского кодекса буквально воспроизводят латинский оригинал, а две из них представляют собой, скорее, поэтическую проповедь (назидание), нежели загадку. 35-я загадка Эксетерского кодекса в обеих формах (включая Лейденскую загадку) является единственным примером очень близкого перевода латинской загадки.

Влияние латинских загадок не следует преувеличивать: неизвестный составитель Эксетерского кодекса воспользовался сборниками Симфония, Альдхельма и других книжников как источниками общекультурного фонда, в котором все принадлежит всем, нет авторской собственности, но в Эксетерском кодексе есть явные признаки того, что у древнеанглийских сочинителей было стремление придать загадкам новаторский характер. Это доказывает выбор загадок о буре в качестве открывающей сборник

группы загадок на космологический мотив, а также описание домашних животных в зоологическом блоке загадок. Все это находилось в согласии с требованиями времени, когда создавался Эксетерский кодекс, поскольку целью совпавшей по времени с созданием кодекса бенедиктинской реформы было не только воспроизведение литературных тенденций предыдущих эпох, но и стремление вдохнуть новую жизнь в народную образовательную культуру.

В третьем параграфе *«Эксетерские загадки в их предметно-перифрастическом значении и связи с литературно-культурным контекстом»* дается тематическая группировка и проводится анализ отгадок каждой загадки с привлечением наблюдений наших предшественников и собственных исследований связи эксетерских загадок с фольклорно-литературным, культурологическим контекстом. В блоке загадок Эксетерского кодекса можно выделить несколько тематических групп, что демонстрирует таблица, представленная в данной части работы. Всего в таблицу включено 92 загадки Эксетерского кодекса из 95. Еще три загадки не входят в таблицу, поскольку для них, ввиду их фрагментарности, практически невозможно найти отгадку. Во всех остальных случаях, даже когда исследователями называются разные отгадки для одной и той же загадки, мы сочли возможным отнести загадки к той или иной группе.

Первые четыре группы загадок (загадки о человеке; загадки о пище, питье, сельскохозяйственных работах; загадки о предметах домашнего обихода; загадки о ремеслах и досуге) могут быть объединены в один тематический блок, а именно: *загадки о человеке и его мирной деятельности, быте*. Это самая многочисленная группа, состоящая из 29-ти загадок. Следующая группа состоит из 17 загадок и посвящена животным и птицам. Группы загадок – о военном деле, оружии и мореходстве; космологические загадки; загадки, связанные с христианской религией (в том числе о церковном убранстве и т.д.) и загадки о грамоте, письме, книге –

содержат пятнадцать, тринадцать и пять загадок в группе соответственно.

Нами далее дается характеристика каждого блока загадок в отдельности, а также большинства загадок в каждой из групп, рассматриваются имеющиеся варианты отгадок. Ввиду значительного объема материала, подробнее говорится о тех загадках Эксетерского кодекса, которые представляют наибольший художественный интерес и прочтение которых (и, как следствие, нахождение отгадки) не затруднено механическими повреждениями текста.

Загадки всех групп так или иначе связаны с освещенными ранее в работе загадками сборников на латинском языке. Например, загадка об одноглазом продавце чеснока, входящая в группу загадок о человеке, является переводом загадки 94 Симфония, загадка 60 («тростник») восходит к загадке 2 Симфония, а загадка 13 («десять цыплят») – к загадке *De Pullo* Эвсебия. Все подобные случаи рассматриваются в связи с версиями отгадки каждой загадки.

Одновременно предлагается также культурно-исторический комментарий, связанный с той или иной отгадкой. Многие загадки не имеют аналогов среди загадок на латыни, а укоренены в фольклоре англосаксов. Например, загадки о питейном меде, о дереве, четыре рунических загадки кодекса и другие, иногда даже те, чей мотив заимствован у Симфония, разрабатывают английские образы, отражают представление о мире англосаксов, отталкиваются от их знания. Примером могут служить загадки о кузнечных мехах, декабре, человеке и ястребе, об оружии. Последние, например, исполнены гордости за подвиги господина загадываемого предмета, переживаний за исход битвы, рассуждений о верности оружия своему господину, о страданиях и боли, которые ему приходится вместе с ним претерпевать. Война воспринималась как главное и важнейшее занятие англосакса в ту эпоху, заставляла обращать особенное внимание на бойца и все подробности его быта. Война – главное ремесло воина, которым он

добывал себе славу и богатство, а потому загадки об оружии составляют третью по количеству загадок в ней тематическую группу. Примером может быть, например, загадка 5 о щите. Это первая загадка Эксетерского кодекса, связанная с предметами обмундирования и военного дела. Деревянный щит в форме круга или ромба, обтянутый шкурой и с железной выпуклостью был самым распространенным средством защиты. Щит, как и другие виды оружия, имел для англосаксов особую ценность: бросить щит в битве – «величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях» (К.Тацит).

Загадки о животных и птицах, составляющие вторую по численности группу загадок Эксетерского кодекса, отражают представления англосаксов о живой природе, их знания естественной истории. Почти все загадки представляют большой художественный интерес и получили широкое освещение в работах британских, немецких и американских исследователей. Практически все загадки о животных и птицах основываются на знаниях, почерпнутых из трудов по естественной истории, из бестиариев, и, с другой стороны, восходят к средневековому фольклору. Таковы загадки о кукушке, казарке, сойке и т.д. Так же, как и средневековые бестиарии, загадки о животных и птицах предполагали обращение к вопросам веры, и отгадывание таких загадок могло вести к рассуждениям о христианских ценностях, о добродетели и пороках. Это касается загадки 9 о кукушке. Вероятно, загадка имела целью не только испытать сообразительность слушателей, но и вызвать размышления о подобной ситуации у людей и о том, как поступать в ней. Целью загадки могло быть моральное наставление. Оно было характерно для средневековой мысли, а загадка вполне могла быть религиозной аллегорией, в которой материальный мир служит для разъяснения принципов христианства. Во всех подобных случаях при комментировании отгадки отмечается возможность разных трактовок.

В четвертом параграфе «Некоторые особенности загадок

Эксетерского кодекса» приводятся основные выводы, связанные с исследованием тематических групп загадок и их отгадок, которое показывает, что Эксетерский кодекс был составлен средневековыми английскими книжниками с установкой продемонстрировать богосотворенность земного мира, а также то, что, следуя традициям Симфония, Альдхельма и других средневековых авторов, сочинитель загадок Эксетерского кодекса стремился воспроизвести многообразие мира, созданного Творцом. Здесь также делается вывод о полифункциональности загадки, которая через игру и развлечение, через множественность образов вела отгадчика во время процесса обучения к отысканию более глубокого смысла, позволяя, таким образом, погрузить его в мир духовного, научить от предметно-чувственного восприятия мира обращаться к его философскому осмыслению.

Пятый параграф «*Типы композиции и стилистические приемы в загадках*» освещает некоторые стилистические и композиционные особенности загадок, в том числе, типы повествования в них. Все загадки кодекса можно поделить на три группы по типам повествования: те, в которых предмет загадки повествует о себе сам (таких загадок 50), те, в которых повествователь говорит о том, что видел *ic seah*, слышал *ic gefrægn* или знает *ic wæt* о существовании предмета (26), и все оставшиеся загадки (их восемнадцать) – повествования от третьего лица, в которых отсутствует «я» рассказчика.

Первый тип повествования позволяет говорить о весьма распространенном в загадке приеме – олицетворении. Авторы загадок очень часто использовали его, чтобы дать неодушевленным предметам своих загадок «описать себя» самостоятельно. Но использование метафоры в загадках не ограничивается только этим приемом. Метафора была основой видения и восприятия денотата, а олицетворение служило способом выражения метафорического значения, глубоко укорененного в сложной структуре жанра. В латинских загадках прием олицетворения также

широко использовался. Описание от первого лица в загадках отмечал Ф. Таппер. Он говорил, что оно придает особую живость представляемому загадкой предмету. «Предметы более половины загадок (50) говорят от первого лица, как в латинских энигмах, на помощь отгадчику приходит не только обозначаемый в загадках грамматический род предмета, но во многих загадках предмет оживает. Загадчик указывает на живые души его существ или использует еще более эффективный метод, приписывая животным и даже неодушевленным предметам человеческие черты и страсти». Герои таких загадок нередко наделены душой, испытывают страдания, имеют, подобно человеку, родственников и врагов, обладают благородством, мужеством и мудростью (загадки 5, 80, 95).

В загадках, чей предмет олицетворяется и повествует о себе сам, открывающей формулой является «представление» себя предметом загадки слушателям. Оно может быть самым разным: *ic eom*, *ic wæs* и т.д. (я есть, я был), герой загадки сообщает, кто его создал, из чего он сделан. С другой стороны, закрывающая загадку формула часто повторяется. В ней герой загадки просит назвать его: *Saga hwæt ic hatte* (скажи, как я зовусь), или *Frige hwæt ic hatte*. (Спроси, как я зовусь) и, реже всего, *Ræd hwæt ic mæne* (Угадай, что я имею в виду).

Во многих случаях обращение к слушателю с призывом дать ответ в загадке отсутствует: это касается, прежде всего, тех загадок, которые выходят за рамки этого жанра и скорее уже не загадки, а довольно объемные стихотворения.

Общим для загадок всех типов построения является то, что в заключительной формуле часто присутствует обращение к «мудрецам», которые, обладая необходимым знанием, сообразительностью и «техникой» отгадывания, могут найти верный ответ. Такое обращение обещает похвалу и вознаграждение слушателю, побуждает его, знающего человека, отыскать отгадку.

Рассматриваемыми далее в работе стилистическими приемами являются анафора, антитеза, аллитерация и ассонанс. Анафора *ne* и *hwilum* часто используются многократно в начале фраз и предложений. Также союзная антитетическая конструкция *ne...ac* (не...но) играет важную роль при построении противопоставлений, являющихся неотъемлемой частью структуры и смысла загадок. Примеры использования анафоры и антитезы встречаются в загадках повсеместно.

Все рассматриваемые в данной части работы стилистические приемы служат эстетике загадки, сохраняя укорененную в ней двусмысленность, оставляя что-то невысказанным, открывая пути для нескольких трактовок и делая возможными несколько отгадок. Загадки описывают предметы так, как они виделись англосаксам, но всегда что-то скрывая. Таковы сами вещи, окружающие человека: они допускают множество пониманий и видений; скрыть или выявить что-то – всегда воля загадчика. И даже когда отгадка найдена, она допускает несколько толкований, и ее нахождение еще не обозначает конец игры: возможно, даже совсем наоборот, она только начинает ее, вызывая у слушателей ассоциации с ситуацией из их жизни, с библейским сюжетом и т.д. Загадки открывают знание, которое шире знания, изображаемого в них вещного мира, дает внимательному слушателю возможность познать не только доступный для непосредственного наблюдения мир, но и ведет его за границы этого мира. Возможно, именно поэтому загадки допускают несколько интерпретаций и отгадок, обнаруживая неожиданное и поэтическое в простых вещах.

В заключении диссертации говорится о результатах исследования, делается *ряд выводов*. Сформулируем некоторые из них. Во-первых, подчеркивается особая практическая значимость осуществленного в ходе работы построчного перевода всех экстерских загадок.

Во-вторых, говорится о том, что степень влияния загадок Симфония, Альдхельма, Эвсебия, Татвина и др. на загадки Экстерского кодекса не

должна переоцениваться. С другой стороны, несомненна связь древнеанглийских загадок с фольклорными, и они находят параллели в народном творчестве и мировидении англосаксов: это, прежде всего, загадки космологические, уходящие корнями в древность и связанные с познанием видимого мира (см., например, загадки о декабре, льде, воде и рыбе), то же самое касается таких широко известных тем, как «вероломство» кукушки, прожорливость книжного червя и т.п.

Предложенные в работе отгадки для всех загадок Эксетерского кодекса, а также обоснование выбранному решению отражают богатство тематики загадок и их связь с более ранними сборниками. Как было показано в работе, многие загадки Эксетерского кодекса все еще не находят однозначного истолкования и, как следствие, отгадки, и поэтому по-прежнему представляют серьезный научный интерес.

В целом делается вывод о некотором отличии загадок на древнеанглийском языке от англо-латинских загадок. Оно заключается, например, в том, что загадки Эксетерского кодекса в меньшей степени, чем загадки Альдхельма, повествуют об абстрактных понятиях и реже перекликаются с классической мифологией. В отличие от загадок Эвсебия, они не являются импровизациями глав «Этимологий» Исидора Севильского. И все-таки в сборниках больше сближающих, чем различающих свойств. Все или почти все они имеют композицию, в которой, кроме прочих структурных скреп, значимую нагрузку несут нумерологические элементы – 40, 60, 100. Учитывая значение средневековых культурных символов, можно сказать, что отмеченные нумерологические мотивы указывают как на предельно широкую тематику, так и на определенную завершенность, целостность содержания. Это подтверждает, в частности, и то, что в христианской символике число сто, например, – число изобилия, полноты и законченности.

Тексты загадок, стремящиеся в своей структуре и наборе тем к воссозданию смысловой завершенности сотворенного Богом

мира, являются частью этого воссоздаваемого ими мира, что прослеживается, например, в представленной во всех сборниках теме о книге. Кроме того, демонстрация слушателям и включение их в ознакомление с принципами иерархии христианских ценностей в загадках происходит в несколько этапов. Загадки, являясь фольклорным жанром, укорененным в бытовой жизни человека, описывающим доступный для непосредственного восприятия мир и в основном повествующим о предметах материального мира, ведут разгадчика к познанию духовного. Другими словами, «загадка содержит сумму корреляций, посредством которых открывается сокрытая архитектура вселенной. С помощью игры загадок обнаруживаются великие взаимосвязи и важнейшие равноценности», познается окружающий человека мир, выстраивается целостная его картина, воссоздаваемая в основных ее аспектах.

Образная перифрастичность, свойственная жанру загадки вообще и в особенности древнеанглийской загадке, уходящей корнями в метафорическое изображение действительности посредством кеннинга, позволяет использовать загадку в поучительно-педагогических, дидактических целях, о чем свидетельствует проведенный нами анализ вариантов отгадок. Представляя предмет с самых разных сторон и создавая как бы возможность нескольких отгадок, загадка служила средством постижения многогранности мира через игру сопоставлений, контраст смысловых соположений, неожиданность ассоциативных связей. Конечно, отгадка должна быть одна, однако загадка строилась таким образом, что наводила слушателя (читателя) на многие отгадки, даже диаметрально противоположные по смыслу, и в этом проявлялось онтологическое свойство жанра. И практически получалось так, что слушатель, выстраивая смысловые связи между свойствами предмета загадывания и ассоциациями, привносимыми предметно-образным содержанием, мог прийти к вариативным отгадкам (см., например, загадки 11 (отгадки «вино», «ночь», «золото» и др.), 15 («барсук», «лиса»), 22

(«декабрь», «звезды»), 28 («арфа», «бочонок с вином»), 39 («день», «речь», «облако») и др.). Количество подобных загадок в Эксетерском кодексе велико, гораздо реже отгадка к загадке находится сразу и загадка не вызывает споров у исследователей.

Однозначно устанавливается отгадка в случае с загадками, построенными на описании конкретных свойств предмета (например, загадка 34, «трабли»), с эротическими загадками, где легко установить эвфемистическую и затемняемую отгадку. Рунические загадки, представленные в кодексе, обнаруживают свой денотат, прямо называя его в тексте, и, если человек является искусным *гунетанн* (разгадчиком рун), он сможет продемонстрировать свое знание, сложив в слово руны (см., например, загадку 75 (с отгадкой «собака»), которая, благодаря своей краткости и наличию всего четырех рун, с легкостью складывающихся в слово отгадки, не вызывает сложностей при отгадывании). То же касается загадки о солнце, после текста которой написана руна *И*, подсказывающая отгадчику не только образами в загадке, но и буквой, в каком направлении двигаться в поисках отгадки.

С уверенностью можно говорить об отгадке загадки на отдельный библейский сюжет, тем более, когда он общеизвестен (см. загадку о Лоте 46). Аналогичным образом разгадываются загадки о птицах, с которыми связаны конкретные представления, стоящие первыми в ассоциативном ряду («вероломство» кукушки; понятие у древних англичан о казарке как о птице, растущей на деревьях и появляющейся на свет из воды; или о лебедь, рождающем музыку своим оперением во время полета). Все эти свойства являются первичными, очень предметными и помогают без особого труда отыскать денотат.

С другой стороны, для большинства загадок Эксетерского кодекса это не характерно. Множественность и противоречивость отгадок, предлагаемых разными исследователями, обуславливается тем, что эксетерские

загадки построены на игре ассоциаций различных сторон одного и того же предмета, и ассоциации эти зачастую вместо того, чтобы подводить отгадчика к единственно верному решению, запутывая, заставляют считать отгадкой что-то далекое от истинного денотата. И именно этот принцип использовался в процессе обучения, т.к. нахождение отгадки уже не было самоцелью, но попутно позволяло погрузить ученика в мир вызванного размышлением образа, сюжета и т.д., касаясь самых разных аспектов изучаемого предмета, но не ограничиваясь им.

Перифрастичность загадки, позволяющая зашифровать ее предмет, отталкиваясь от его главных и второстепенных черт, основанная не только на метафоре, на которой строится большинство загадок, но и метонимии, синекдохе, комбинации цифр, рунических символах и т.п., как было продемонстрировано в исследовании, могла использоваться с различными целями. Неся в себе элемент игры, загадка выполняла развлекательную функцию, но наряду с ней ей была свойственна и функция дидактическая. В процессе обучения первая функция сопрягалась со второй, ведя ученика от игрового, шутового к серьезному, связанному с окружающей действительностью, а также с сотворением мира и основополагающими христианскими ценностями. Природа загадки и ее предназначение в составе рассмотренных в диссертации сборников представляются в связи со сказанным универсальными.

Проведенное исследование знакомит читателя со всем корпусом древнеанглийских загадок, с их переводом и анализом и, позволяя составить представление об этом малом жанре, открывает возможности и подготавливает почву для дальнейшего изучения загадок на уровне композиции, морфологии, синтаксиса, поэтики и семантики.

Изученный материал демонстрирует и доказывает то, загадки Эксетерского кодекса являются сложным и многообразным

произведением, и на этом основании может быть помещен в один ряд с произведениями, чья значимость для данного этапа развития древнеанглийской литературы полагается несомненной.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Кузнецова Т.С. Языческие и христианские мотивы в загадках Экстерского кодекса [Текст] / Т.С. Кузнецова // Изв. Урал. гос. ун-та./отв. ред. Л.С. Соболева, Гуманитар. Науки, Екатеринбург, 2007.- №48. Сер.2, вып. 13.-С.5-12.

II. Другие публикации:

2. Кузнецова Т.С. Возможность осуществления диахронического перевода древнеанглийской поэзии на уровне лексики. Этимологический перевод (на примере загадок Экстерского кодекса) [Текст] / Т.С. Кузнецова // Социокультурные проблемы перевода/ отв. ред. Н.А. Фененко, Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006.- вып. 7, ч. 2.-С. 265-271.

3. Кузнецова Т.С. Языковая двусмысленность в некоторых загадках Экстерского кодекса [Текст] / Т.С. Кузнецова // Дергачевские чтения – 2006: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы международной научной конференции 5-6 октября 2006 года.- Екатеринбург, изд-во УрГУ, 2007. -С.327-343.

4. Кузнецова Т.С. Жанр загадки в Средневековой английской литературе [Текст] / Т.С. Кузнецова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов/ отв. ред. Иванов В.В. Курск, 2007.- №9.- С.134-137.

5. Кузнецова Т.С. Тематика загадок Экстерского кодекса (на примере некоторых загадок) [Текст] / Т.С. Кузнецова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов/ отв. ред. Иванов В.В. Курск, 2007.- №10.-С.168-171.

6. Кузнецова Т.С. Возможные причины вариативности отгадок в древнеанглийских загадках Экстерского кодекса [Текст] / Т.С. Кузнецова // Электронный ресурс. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/editors/k/kuznecowa_t_s/exeterbookriddles.shtml

10 -

Подписано в печать 03.09.2008

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 1,00. Тираж 100 экз. Заказ № 6169

Отпечатано в издательско-полиграфическом цехе ОАО «УЭХК»